

Вопросов было слишком много.

Лу Байюй стоял посреди комнаты, невольно замешкавшись. Подобная растерянность была ему совершенно несвойственна, но сейчас он попросту не знал, с чего начать разговор.

Ему ли, привыкшему к безусловному вниманию, сталкиваться с подобным равнодушием? Тем более со стороны Цзян Тинчжоу.

Впрочем, быстро взяв себя в руки, он нашел происходящему хоть какое-то оправдание. В конце концов, когда Тинчжоу тяжело болел, его не было рядом.

А ведь болезнь оказалась серьезной: судя по больничным записям, температура едва не перевалила за сорок градусов. Опоздай они с госпитализацией — и последствия могли стать необратимыми. Да и семейство Цзян со своими вечными дразгами способно довести кого угодно, недавняя сцена тому подтверждение. Должно быть, Тинчжоу до сих пор не остыл от гнева.

Хотя раньше Тинчжоу никогда не дулся так долго.

Вздохнув, Лу Байюй подошел ближе и попытался взять его за руку.

— Тинчжоу, я ведь уже объяснял, — мягко произнес он. — Я не хотел оставлять тебя одного. Просто навалилось столько работы, что я физически не мог вырваться.

Он не лгал.

Поездка за границу выдалась на редкость тяжелой, переговоры шли со скрипом, оттого командировка и затянулась.

Импорт и экспорт всегда составляли основу семейного бизнеса Лу, однако в последние годы зарубежные поставщики обнаглели: взвинчивали цены и выдвигали кабальные условия. К моменту его отъезда партнерство едва не рухнуло. Лу Байюй стоило колоссальных усилий удержать планку рентабельности и спасти контракт. Он работал на износ, буквально предотвратив катастрофу. Из-за разницы во времени новости из дома доходили с опозданием, и вполне естественно, что он не мог бросить многомиллионные сделки и сорваться в Китай лишь потому, что Тинчжоу подхватил простуду.

— Обещаю, Тинчжоу, это больше не повторится, — заверил он. — Теперь я надолго останусь в Юнцине и буду часто бывать дома. К тому же я привез тебе подарок. Помнишь, что обещал перед отъездом?

Цзян Тинчжоу действительно помнил.

Когда Лу Байюй согласился быть с ним, оба прекрасно понимали: их связь должна оставаться тайной. И Байюй всегда старался загладить эту несправедливость дорогими подарками.

Сейчас он держал в руках открытый бархатный футляр. На шелковом ложе сияло изысканное кольцо с крупным сапфиром глубокого синего цвета. Драгоценный камень переливался в лучах света — редкий экземпляр из частной аукционной коллекции, стоявший долгое состояние.

Кольцо. Вещь, которая сама по себе символизирует вечную преданность и обязательства. Идеальный способ задобрить обиженного любовника, особенно когда подарок столь ослепительно роскошен.

— Ну же, не сердись. Давай вернемся домой, хорошо? — Лу Байюй протянул кольцо, заглядывая ему в глаза.

Посторонним было трудно вообразить, чтобы надменный наследник корпорации мог так покорно, с нежной заботой вымаливать прощение. Даже для Цзян Тинчжоу, прожившего две жизни, подобные моменты слабости со стороны Байюя оставались редкостью.

Казалось, устоять перед таким жестом невозможно. Любой на его месте растаял бы, а дальнейшее упорство выглядело бы глупым капризом.

В прошлой жизни этот подарок принес Тинчжоу неопишемую радость. Вся горечь от одиночества в больничной палате миглом испарилась, уступив место новому приливу слепой преданности. Он был готов и дальше расшибаться в лепешку ради этих отношений.

Но тогда он еще работал шеф-поваром, а на кухне любые украшения под запретом. Тинчжоу бережно спрятал кольцо в шкатулку, так ни разу и не надев, а перед уходом вернул владельцу в целостности и сохранности.

Кольцо было великолепным, но Тинчжоу слишком хорошо знал: в нем не было никакого смысла.

Поэтому он твердо отстранился, убирая руку.

— Молодому господину Лу пристало заботиться о делах государственной важности, так что оставьте эти речи при себе. Я все равно ничем не могу вам помочь.

Тинчжоу прямо посмотрел на него:

— Должно быть, по возвращении вы уже переговарили с директором Цинь. Она внезапно разглядела во мне какую-то пользу и решила проявить участие. Но уверяю вас, я дал тот совет исключительно из личных интересов. Если семья Лу считает себя обязанной, пусть это станет платой за вашу прежнюю помощь. За последние два года вы и так сделали для меня немало.

— Но как бы там ни было, мы расстались. Это решенный вопрос.

Его голос звучал ровно и спокойно. Помолчав секунду, он решил разом оборвать все ниточки, чтобы избежать двусмысленности в будущем:

— И еще. Мне известно, кто на самом деле стоял за тем похищением в прошлом. Так что вам больше не нужно испытывать вину и пытаться компенсировать мне пережитый кошмар из жалости. У меня все хорошо. Вашей вины в случившемся нет. Мы квиты, Лу Байюй, и на этом нам пора попрощаться.

Вот теперь маска безупречного спокойствия на лице Лу Байюй наконец дала трещину.

Его брови сошлись у переносицы. Видя, что Тинчжоу откровенно выставляет его за дверь, бросая равнодушное «если вопросов больше нет, не смею задерживать столь занятого человека», Байюй растерял всю свою напускную нежность. Он резко подался вперед и мертвой хваткой вцепился в запястье Тинчжоу.

— Тинчжоу, — процедил он сквозь зубы. — Хватит паясничать. На что именно ты злишься? Скажи прямо.

Тинчжоу вздохнул. Как объяснить человеку, что злости нет и в помине? Он лишь констатировал очевидный факт: их отношения закончены. Пока они безмолвно противостояли друг другу, со стороны улицы слышался шум.

Донесся звонкий голос Ань Сяопина.

Поскольку сегодня была пятница, парень возвращался на выходные домой. Накинув на плечо рюкзак, он бодро шагал по переулку и, еще не переступив порог, весело закричал:

— Брат, я вернулся! Ого, ты что, суп варишь? Ну и аромат! Я еще с конца улицы его почуял. Что у нас сегодня на ужин?..

Охрана и секретари Лу Байюй по его приказу ждали поодаль, любопытные соседи тоже разошлись, так что снаружи дом казался совершенно обычным. Сяопин с разбегу распахнул дверь и застыл на пороге. Слова застряли у него в горле.

Пятничный учебный день выдался легким — всего одна скучная лекция после обеда. Отметившись для приличия, Сяопин тут же сбежал, предвкушая уютный вечер дома. Еще в начале недели они запланировали устроить небольшое новоселье и пригласить троих членов семьи Тянь на ужин. Парень собирался помочь Тинчжоу с готовкой, но застал картину, к которой жизнь его точно не готовила.

Увидев статного мужчину в дорогом костюме, Сяопин сразу узнал его. Напряжение в воздухе

можно было резать ножом. Помявшись, он выдавил:

— Молодой господин Лу...

Байюй окинул вошедшего холодным, невидящим взглядом.

Ань Сяопин поспешил пояснить:

— Мы встречались раньше. Я тогда искал брата в школе, и меня прижали те хулиганы... Если бы ваша машина не проезжала мимо, мне бы не поздоровилось. Правда, тогда я был поплотнее. Понимаю, у вас куча дел, вряд ли помните такого.

Эти детали всколыхнули в памяти Лу Байюя смутное воспоминание.

— А, ты тот школьный приятель Тинчжоу.

— Ага, — закивал Сяопин. — Я... ну, в общем, я теперь живу в соседнем дворе.

Только в этот момент Лу Байюй заметил полуразрушенную перегородку между домами. Дворы фактически слились в один, превратившись в общее пространство. Он медленно повернул голову к Тинчжоу, и его тон мгновенно заledenел:

— Тинчжоу, так вот почему ты съехал из «Сияющей звезды»? Купил это захолустье только ради того, чтобы поселиться вместе со своим... другом?

Его пальцы сжались на запястье Тинчжоу с такой силой, что кожа побелела.

Прежде в присутствии посторонних они никогда не позволяли себе подобной близости — оба строго соблюдали правила конспирации тайного романа. Но сейчас, сколько бы Тинчжоу ни пытался вырваться, хватка оставалась железной.

Терпение Тинчжоу лопнуло.

— Это не твое дело, — отрезал он.

«Что и требовалось доказать, — подумал он. — Надолго его вежливости не хватило. Настоящий Лу Байюй не умеет просить и подчиняться».

— Ну да! — радостно подтвердил Ань Сяопин.

Стоя у входа, он не расслышал тихую реплику друга и ответил без задней мысли. После примирения с Тинчжоу вся былая колючесть Сяопина испарилась, и он снова превратился в добродушного, слегка наивного парня.

— Брат так долго вкалывал без продыху, ему давно пора отдохнуть, — с энтузиазмом продолжил он. — Мы уже все решили: он будет вести хозяйство и готовить, а я — зарабатывать деньги и обеспечивать нас.

Жизнь под одной крышей с Тинчжоу казалась Сяопину сказкой. Одно только меню чего стоило — пальчики оближешь!

Сделав шаг в комнату, парень шумно втянул носом воздух — густой, дразнящий аромат кипящего куриного бульона заполнял каждый уголок дома. От этого тепла на душе стало необычайно легко.

Сяопин знал, что Тинчжоу порвал с Лу Байюем, но его собственное отношение к молодому господину Лу оставалось уважительным. В конце концов, тот не раз выручал Тинчжоу в трудные времена. Увидев, что они стоят совсем рядом и Байюй держит друга за руку, Сяопин по своей простоте решил, что расставание прошло мирно. А раз так, зачем враждовать?

Расслабившись, он вежливо предложил:

— Молодой господин Лу, не хотите ли поужинать с нами? Мой брат готовит просто божественно! М-м-м, этот запах...

Лицо Лу Байюя оставалось непроницаемым. Не сводя тяжелого, пристального взгляда с Тинчжоу, он медленно, чеканя каждое слово, ответил:

— О том, как вкусно он готовит... мне известно лучше всех.

Сяопин разинул рот. Его приглашение было чистой условностью, обычной вежливостью перед ужином. Он был уверен, что такой занятой человек вежливо откажется и уедет по своим важным делам.

Кто же знал, что Лу Байюй решит воспользоваться этим предложением?

— Действительно, мы давно не обедали вместе, — ровным тоном произнес он. — Пожалуй, мне стоит остаться. Правда ведь, Тинчжоу?

Сяопин растерянно заморгал:

— Э-э... да?

Тинчжоу тоже не ожидал такого поворота, но раз уж Сяопин сам за язык себя тянул, отступить было поздно.

— Вовсе нет, — холодно возразил Тинчжоу. — Молодой господин Лу, у нас дела, да и все точки над «і» уже расставлены. Мне больше нечего добавить.

С этими словами он резким движением высвободил запястье из онемевших пальцев Байюя и, не оборачиваясь, направился на кухню. На плите исходил паром глиняный горшок с черной курицей — нужно было убавить огонь, пока бульон не выкипел.

Лу Байюй не сдвинулся с места. Оглядев скромную обстановку, он прошел в гостиную и неторопливо опустился на диван.

Даже до простодушного Сяопина наконец дошло, что он ляпнул лишнего. Сжавшись под тяжелым взглядом гостя, он юркнул на кухню следом за Тинчжоу.

— Брат... — шепотом спросил он, пока они мыли овощи. — Я что, спорил глупость?

— При чем тут ты? — Тинчжоу спокойно потер ноющее запястье. — Не переживай. Он тут надолго не задержится.

Сяопин недоверчиво приподнял бровь:

— Уверен?

— Абсолютно, — не поднимая глаз от разделочной доски, отозвался Тинчжоу. — Уж его-то я знаю как свои пять пальцев.

Появление Лу Байюя в Старом районе вряд ли было спланированным визитом вежливости. Скорее всего, он приехал сюда по делам бизнеса, а к Тинчжоу заскочил мимоходом. В его внезапной настойчивости не было ни капли искренней тоски — лишь уязвленное эго человека, чей идеальный план внезапно дал сбой.

Сяопин мало что понял из этих рассуждений, но твердо решил не оставлять друга наедине с бывшим и усердно принялся разыгрывать из себя третьего лишнего.

Тем временем в гостиной у Лу Байюя зазвонил телефон. Он скользнул взглядом по экрану и сбросил вызов. Спустя минуту в дом бесшумно скользнула секретарь Сун, ожидавшая снаружи.

— Господин Лу, — вполголоса доложила она, склонив голову. — Вас ищет доверенное лицо председателя Лу. Сегодня вечером запланирован крайне важный закрытый прием, организаторы уже беспокоятся. Пора выезжать.

Байюй недовольно нахмурился:

— Найди мне замену. Пусть отправят кого-нибудь другого.

Секретарь Сун замялась, не решаясь спорить открыто. Она осторожно скосила глаза в сторону кухни, где у плиты стоял Тинчжоу.

— Но... сэр, вы меняете график из-за молодого господина Цзяна?

— Он наотрез отказывается возвращаться. Словно с цепи сорвался, — раздраженно бросил Байюй. — О чем вы говорили, когда он звонил тебе из больницы?

— Ни о чем особенном. Молодой господин Цзян просто казался утомленным, — ответила секретарь Сун. В душе у нее шевельнулось беспокойство, но лицо осталось бесстрастным. Она поспешила перевести стрелки: — Господин Лу, если позволите... Мне кажется, дело вовсе не в вас. Всему виной семейство Цзян. Вы ведь знаете, как несладко ему приходилось в «Пищевой компании Цзян». А Тинчжоу по природе своей скрытен и никогда не жалуется. Госпитализация, скорее всего, стала последней каплей. Парень просто сорвался под грузом проблем, вот и капризничает. Обычная минутная слабость.

Это объяснение казалось Лу Байюю наиболее логичным.

— Сейчас спорить с ним бесполезно, — продолжала секретарь Сун, мягко гня свою линию. — Дайте ему немного времени остыть, и он сам вернется. Он ведь всегда был послушным и благоразумным. А сейчас дела компании важнее.

Она вежливо протянула ему вибрирующий смартфон.

Байюй взял трубку и произнес:

— Тётушка Цинь.

На том конце провода была Цинь Рушуан.

Их отношения с мачехой мало походили на семейные — скорее они напоминали деловых партнеров, делящих сферы влияния. Вот и сейчас она сразу перешла к делу:

— Слышала, ты отправился в Юнцин прямо из аэропорта, едва сойдя с трапа. Каковы результаты осмотра?

Этот проект сейчас стоял во главе угла для всей семьи Лу.

Общая стратегия развития Логистической группы Лу претерпевала изменения. Из-за сложностей на внешних рынках совет директоров принял решение переориентировать бизнес на внутренний сектор. В Китае конкуренция была не менее жесткой, однако масштабы потребления открывали колоссальные перспективы. Группе компаний Лу требовался мощный рычаг, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Цинь Рушуан зорко следила за каждым шагом пасынка.

Особое место в планах занимало строительство крупного логистического узла и распределительного центра. Районы городов Шаньин и Юнцин исторически считались вотчиной семьи Лу, и расширение влияния отсюда на всю страну виделось логичным шагом. Намерения корпорации инвестировать в реконструкцию Старого района Юнцина уже давно стали секретом полишинеля в бизнес-кругах.

— С моей стороны все гладко, — сухо ответил Лу Байюй. — Администрация города крайне заинтересована в этом проекте.

Заговорив о бизнесе, он мгновенно преобразился. На его лицо вернулась привычная маска холодного профессионализма, словно скромная гостиная Тинчжоу превратилась в конференц-зал штаб-квартиры Логистической группы Лу.

Через кухонное окно как раз виднелся пустырь на окраине района — та самая площадка под застройку, которую он только что осматривал.

Провинция Дунцзян по праву считалась промышленным сердцем страны. Юнцин и соседний Шаньин служили базой для Логистической группы Лу — здесь были сосредоточены ключевые производственные мощности, включая крупный пищевой кластер в Старом районе.

В последние годы стремительно набирала обороты торговля напрямую от производителей. Строительство распределительного центра в этой зоне позволяло перехватить логистические потоки у самых истоков, что являлось стратегической целью корпорации.

Юнцин обладал уникальным географическим положением. Старый район не зря в свое время стал торговым центром: здесь сходились железнодорожные ветки, автомагистрали и водные пути реки Байин. Старый речной порт исправно функционировал, обеспечивая выход к морю. В случае успешной реализации проекта реконструкции городские власти планировали заложить в генеральный план строительство нового грузового аэропорта неподалеку.

— Нам необходим современный распределительный хаб, и Юнцин идеально подходит для пилотного проекта, — продолжал Лу Байюй. — Однако текущий план, предложенный аналитиками, выглядит излишне консервативным.

Цинь Рушуан вздохнула:

— Перед отъездом ты высказал свои замечания, и твой отец полностью с ними согласен. Но

новые варианты его по-прежнему не устраивают. Да что говорить, наш аналитический отдел бьется над этой задачей месяцами, а их выкладки и в подметки не гонятся тем наброскам, которые мимоходом сделал Тинчжоу. Раз уж ты в Юнцине, приложи все усилия, чтобы вернуть его. Режиссёр Чэн из проекта «На кончике языка» проявил интерес, но окончательного согласия на съемки так и не дал.

— Байюй, ты ведь понимаешь: толковые специалисты на дороге не валяются. А главное — он беспрекословно тебя слушается.

Особо близкие отношения между ними оставались тайной для всех, кроме преданной секретаря Сун. Однако в светских кругах давно ходили слухи о том, насколько покладист и покорен Цзян Тинчжоу, когда дело касается молодого господина Лу.

Слова мачехи и доводы секретарши окончательно успокоили Лу Байюя. Раздражение улеглось.

— Да, — тихо произнес он, глядя в сторону кухни. — Тинчжоу всегда отличался послушанием.

<http://bllate.org/book/19956/1995108>